В. Я. ЛАКШИН

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО-ПРОСВЕТИТЕЛЯ

(Перевод книги о Фр. Бэконе)

Вряд ли найдется кто-либо, кто будет отрицать ныне бесспорные заслуги Тредиаковского в области филологии и русского стихосложения. Но другие стороны его литературной деятельности — и прежде всего его роль как передового мыслителя середины XVIII века, просветителя-гражданина — до сих пор находятся в тени.

Просветительская деятельность Тредиаковского связана в основном с его переводами.

Для середины XVIII столетия особенно справедливо известное словцо Пушкина: «Переводчики — почтовые лошади просвещения». Изучение переводной литературы XVIII века представляет заманчивую и благодарную задачу для исследователя. Ведь всякую книгу можно рассматривать с двух сторон: с точки зрения ее «абсолютной» ценности как вклада в национальную и мировую культуру, нередко сохраняющего свое значение для будущих поколений, и с точки зрения ее «относительной» исторической роли — влияния на современников. Переводная литература XVIII века не имеет живого значения теперь. Но как факт исторический, как могучее в свое время средство воспитания и просвещения, она бесспорно заслуживает внимания. Без учета переводной литературы нельзя полно очертить круг идей, культурных представлений русских людей, отделенных от нас двумя столетиями.

Переводы Тредиаковского имели творческий, новаторский характер. Тредиаковский был обычно самостоятелен и в выборе материала для перевода, и в способе его обработки. Печать личности автора, направленности его мировоззрения лежит на многих переводных трудах Тредиаковского.

Настоящая статья посвящена забытому переводческому труду Тредиаковского, представляющему собой яркую страницу в литературе раннего русского просветительства.

В 1760 году из типографии Московского университета вышла книга о Бэконе в двух частях. Первую часть составляло «Житие канцлера Франциска Бакона», вторую — «Сокращение философии канцлера Франциска Бакона». На титульном листе было отмечено: «перевел с французского на российский Василий Тредиаковский, профессор и член Санктпетербургския Императорския Академии Наук».

Эта книга выпала из поля зрения большинства исследователей литературы XVIII века. О ней не упоминается в академической «Истории русской литературы» (т. III, М.—Л., 1941), где специальный раздел посвящен переводам Тредиаковского. В биографии Тредиаковского, принадлежащей П. П. Пекарскому, лишь мельком сказано о существовании перевода «Жития канцлера Франциска Бакона», причем совершенно не упоминается вторая часть книги — «Сокращение философии».[1] Между тем внимательный анализ этого труда и его истоков восстанавливает пробелы в биографии и литературной деятельности Тредиаковского, а также дает новые штрихи для общей характеристики русского и европейского Просвещения середины XVIII века.

В книге, переведенной Тредиаковским, помимо пропаганды передовой английской материалистической философии, содержатся страницы жгучего социального памфлета, нелицеприятного «урока царям», приобретающего порой оттенок угрозы. Книга пропитана острой актуальностью, общественно-политическими проблемами, волновавшими передовые умы в Европе XVIII столетия. Но заслугой ли Тредиаковского является такое звучание книги? Ведь формально он числится лишь переводчиком.

Автором книги, переведенной Тредиаковским, был довольно известный в свое время литератор и общественный деятель Александр Делейр (Alex. Deleyre). В книге Делейра изложение философии Бэкона велось от лица самого философа, благодаря чему фрагменты из бэконовских сочинений (никак не выделенные в тексте) причудливо переплетались с толкованиями французского автора. «Житие Бэкона» в книге Тредиаковского представляло собой перевод с перевода, так как Делейр заимствовал биографию философа у английского автора — Д. Моллета (D. Mallet).

[1] В библиографических трудах (А. Смирдин, В. Сопиков и др.) даются неполные, а часто неверные сведения о переводе Тредиаковского. Единственным исключением является описание книги, данное в работе И. В. Шаля «К вопросу о языковых средствах переводчиков XVIII столетия (Тредиаковский как переводчик)» (Труды Кубанского педагогического института, т. 2—3, Краснодар, 1928), где обследована вторая часть труда — «Сокращение философии» — и при этом исключительно с лингвистической точки зрения.

При сличении русского, французского и английского текстов книги ясно видны существенные напластования, возникшие в результате двукратного «творческого перевода».

Таким образом, книга о Ф. Бэконе в том виде, в каком она вышла в Москве двести лет назад, фактически является плодом коллективного труда литераторов трех стран: Англии, Франции и России.

2

> В мире книг происходит то же самое, что с огнем наших очагов: сосед приходит к вам за огнем, переносит его к себе, дает другому соседу и в конце концов он принадлежит всем.
>
> Вольтер.

В 1740 году в Лондоне вышла книга «The Life of Francis Bacon, Lord Chancellor of England» («Жизнь Френсиса Бэкона, лорда-канцлера Англии»), написанная молодым поэтом и ученым Давидом Моллетом — другом и личным секретарем Болингброка, активным участником якобитской оппозиции царствующему дому.[2]

Биография Бэкона, написанная Моллетом, была ученым трудом, в котором политические пристрастия автора, тенденциозность книги отчетливо проступают сквозь внешне объективную манеру письма.

Моллет воздает должное философским заслугам Бэкона, который отважно выступил против общепризнанных представлений ученых, «состарившихся во мнениях», перенес внимание с рассмотрения закоснелых понятий и идей на изучение самих вещей и их свойств, возведя в метод индукцию, основанную на опыте, эксперименте. По мнению Моллета, этот новый метод, повертывающий умозрительную философию к практике, способствовал успеху Бэкона и в решении социально-политических вопросов: государственная деятельность канцлера основывалась на глубоком и всестороннем анализе положения нации и ее интересов.

Однако Моллет очень скупо пишет о деятельности Бэкона-философа и лишь в конце кратко характеризует его теоретические труды. Это вызвало даже в свое время изящную насмешку одного из критиков — Варбуртона (Warburton), заметившего, что

---

[2] О жизни и деятельности Д. Моллета см.: The Dictionary of National Biography, vol. XII; Samuel Johnson. The Lives of the English Poets, vol. III, Oxford, 1905; J. D'Israeli. Bolingbroke and Mallet. In: Quarrels of Authors, London, 1814. Ср. также «Biographie universelle», vol. XXVI, p. 385—387. *Прим. Ред.*

«в своей прекрасно написанной книге о Бэконе Моллет забыл одну только вещь, — что Бэкон был философом».[3] В самом деле, в книге дана такая широкая историческая панорама, так подробно и тщательно выполнены портреты королей, их любимцев, верховных судей, послов и пэров эпохи двух царствований, что для философских материй почти не осталось места.

Нанизывание биографий и длинные отступления не были результатом литературной неопытности или слабости биографа. Композиция книги подчинена схеме, характерной для просветительского рационализма. С одной стороны, король — тиран, законопреступник, разоритель народа; с другой, король — слуга нации, просвещенный властитель, приводящий народ к благоденствию. Льстецы — фавориты, толпящиеся у трона; и как их антипод — мудрый (но часто непризнанный) советник царей, патриот-просветитель. Эта известная просветительская схема воплощена в книге Моллета с исключительной последовательностью и определенностью.

Королева Елизавета, в разрез с ее реальной исторической ролью (напомним, что К. Маркс отмечал «гнусный характер ее правления» и «бедствия народа в ее царствование»),[4] изображена Моллетом как просвещенная и гуманная правительница, пользующаяся доверием нации, покровительствующая наукам и искусству.

Неумеренная идеализация сменяется таким же решительным однотонным обличением, как только Моллет принимается за описание царствования Якова, который в его изображении во всем представляет противоположность Елизавете. Это злой, неумный тиран, притесняющий народ, лишающий общество права выражать свою волю, ведущий нацию к разорению и краху. Недалекий и малообразованный, он опьянен неограниченной властью над людьми, возможностью безнаказанного произвола, который окружающие льстецы всегда раболепно оправдают и восхвалят. Яков подбирает себе фаворитов, стараясь удалить от дел правления даровитых, умных и честных людей, и это отражается на состоянии науки, искусства и ремесел, пришедших в упадок в его мрачное царствование.

В характеристике Якова, данной Моллетом, как и в его изображении Елизаветы, тщетно было бы искать исторической верности и точности; зато в Якове по многим чертам угадывался царствовавший современник Моллета — Георг II. Но еще существеннее этих прямых параллелей было то, что самый образ умственно ничтожного и жестокого деспота оказался верен исто-

---

[3] См.: Grand dictionnaire universel, vol. 10, p. 1021.
[4] Архив Маркса и Энгельса, VII, М., 1940, стр. 379.

рической правде в широком смысле слова. Именно поэтому книга Моллета, описывавшая события столетней давности, получила в Англии 1740 года значение боевого политического памфлета, а затем сыграла значительную роль в пропагандистской деятельности французских и русских просветителей XVIII века. Образы Елизаветы, Якова, их фаворитов отличаются не столько документальной достоверностью, сколько характерностью. «Жизнь Бэкона» напоминает развернутый план просветительской драмы с четко определенными ролями: просвещенного государя (Елизавета), властителя-деспота (Яков) и философа-просветителя (Бэкон).

В своей книге Моллет не только стремится извлечь из учения Бэкона все созвучное своим взглядам, но порой приписывает философу и собственные воззрения. Так, известно, что материалист Бэкон был не всегда последователен, когда дело касалось религии. Моллет в ряде случаев исправляет непоследовательность Бэкона. В его книге отчетливо слышны нотки антикатолического протеста, столь характерные для Болингброка и его единомышленников — противников папства.

Образ Бэкона был несомненно «приближен» Моллетом к требованиям его времени. Многое в книге было резко субъективным, спорным, но в целом она имела серьезное значение в деле пропаганды материалистической философии и оппозиционных политических идей.

Просветительский ореол, созданный вокруг личности и трудов Бэкона, заинтересовал энциклопедистов. Учение Бэкона было близко французским просветителям прежде всего своими материалистическими выводами. Доверие к результатам опыта, уничтожение предрассудков, вызываемых слепой верой в религиозные догматы, разрушение метафизических схем схоластов, наконец, возможность выработки научного метода исследования — вот основы, по которым Бэкон был провозглашен отцом новой философии.

Вольтер первым начал пропаганду учения Бэкона, назвав его труды «подмостками, на которых построена новая философия». Мнение Вольтера поддержали Даламбер и Дидро. Классификация наук, предложенная Бэконом, была положена в основу издания «Энциклопедии», а во вступительной статье к первому тому Бэкон был назван «самым великим, самым универсальным и самым красноречивым из философов».[5] Существенную роль в утверждении авторитета Бэкона-мыслителя во Франции сыграл Дидро. Он сам признавал это с гордостью: «Я полагаю, что научил моих

[5] Цит. по кн.: G.-L. Foncegrive. François Bacon. Paris, 1893, p. 322.

сограждан уважать и читать Бэкона; в последние пять или шесть лет произведения этого глубокомысленного писателя перелистывались гораздо чаще, чем прежде».[6]

Книга Моллета была замечена во Франции, переведена и издана. В 1755 году в Амстердаме, где печатались французские бесцензурные издания, вышла в свет книга «La vie du chancelier François Bacon» («Жизнь канцлера Френсиса Бэкона»), имевшая источником биографию Моллета, но далекая от буквального перевода. В дальнейшем эта биография была переиздана, войдя в состав двухтомного сочинения «Analyse de la philosophie du chancelier Bacon avec sa vie» («Анализ философии канцлера Бэкона с приложением его жизнеописания». Leyde, 1756).

Анонимным переводчиком «Жизни Бэкона» как и составителем «Анализа философии» был, очевидно, молодой французский энтузиаст-просветитель Александр Делейр, участник «Энциклопедии», друг Руссо и Дидро.[7] Переводчик книги Моллета так обработал биографию Бэкона, что политические места книги стали еще более злободневными и применимыми к французским условиям. Фразу за фразой переводчик изменял, дополнял и переделывал текст подлинника, чтобы ярче выявить свою тенденцию.

Вот некоторые примеры.

Моллет пишет, что реформы Елизаветы «быстро восстановили ценность денег, а вместе с этим доверие и расположение народа» («The Life», p. 17). Французский переводчик ставит здесь запятую вместо точки и продолжает мысль: «...доверие и расположение народа, верный источник богатства, или, лучше сказать, единственное истинное богатство государства» («La vie», p. 24).

Автора перевода тревожит бедственное состояние финансов Франции, запутанность и тяжесть налогов, и он, где это возможно, возвращается к похвалам Елизавете английской за укрепление денежной системы без помощи новых поборов. «В начале царствования ‹Елизаветы› нация, — пишет Моллет, — имела долг в четыре миллиона — сумма в те времена невероятная — и только ее экономия («без налогов и податей», — вставляет переводчик) помогла этот долг выплатить» («The Life», p. 17; «La vie», p. 25).

---

[6] Ouvres complètes de Diderot (par J. Assézat), vol. XIV. Paris, 1876, p. 494.

[7] Французские библиографы (A. A. Barbier, J. Brunet, J. Quérard) называют обычно в качестве переводчика книги Моллета некоего N. N. Pouillot. Однако некоторые данные заставляют предположить, что это псевдоним П. Делейра. О Делейре см.: J.-J. Rousseau, ses amis et ses ennemis, correspondance, publié par G. Streckeisenmoul, vol. I, Paris, 1865; Correspondance generale de J.-J. Rousseau, vol. II. Paris, 1924; Газета «Constitutionnel», 1863, 2 et 9 mars.

Переводчик усиливает те места, где говорится о паразитизме и бесполезности фаворитов. Про одного из фаворитов Якова Моллет пишет, что он одаривал своих родственников привилегиями, «которые тяжелым бременем ложились на народ» («The Life», p. 73), «платящий всегда за безумства своих властителей», — добавляет переводчик («La vie», p. 106).

При помощи исправлений и добавлений переводчик стремится все время подвести государей под те категории нравственного и общественного закона, естественного права, которые не отличают их от простых смертных. В первом же абзаце книги рассказывается об «обычае древних египтян» подвергать беспристрастной оценке жизнь и деяния умершего человека. «Ни достоинства, ни способности, ни выдающиеся заслуги не могли защитить от этого беспристрастного суда», — пишет Моллет («The Life», p. 1). «Даже цари были ему подсудны», — добавляет переводчик, хотя в подлиннике о царях и речи не было («La vie», p. 2).

Как уже упоминалось, во втором французском издании биография Бэкона была объединена в одной книге с «Анализом» его философии. Этот «Анализ» представлял собой свободное изложение философских, социальных и этических взглядов Бэкона, трансформированных вольнодумцем — составителем книги в том же духе и теми же приемами, о каких только что шла речь в связи с переводом книги Моллета. Ф. Бэкон выступил в «Анализе» решительным врагом церкви, противником самовластия, проповедником всесилия разума и естественного закона.

На книге Делейра о Бэконе воспиталось не одно поколение французского общества. Один из недоброжелателей энциклопедистов вынужден был позднее признать: «Большинство образованных людей должны согласиться с тем, что они знают труды канцлера Бэкона только по „Анализу“ его философии, опубликованному в 1755 г., немного спустя после появления большого словаря Энциклопедии. Это сочинение имело большой успех, что и не удивительно; оно прекрасно написано и целиком восходит к настроению, господствовавшему тогда среди литераторов».[8]

Просветительская книга о Бэконе появилась в русском переводе всего лишь через три-четыре года после ее выхода во Франции.

«Жизнь Бэкона» и первый том «Анализа философии» послужили основой переводного труда В. К. Тредиаковского.

---

[8] I. A. de Luc. Précis de la philosophie de Bacon, vol. I. Paris, 1802, p. 30.

3

При Императорском Московском Университете продается напечатанная вновь, переведенная с французского на Российский язык книга под титулом: Житие Канцлера Франциска Бакона, ценою экземпляр по одному рублю, без переплету.

«Московские ведомости»,
6 февраля 1761 года

Сведения о том периоде жизни и деятельности Тредиаковского, когда он трудился над книгой о Бэконе, очень скудны. Однако общее направление его интересов и стремлений в эти годы достаточно ясно.

В конце 50-х годов Тредиаковский реже пишет стихи, меньше занимается теорией версификации, так увлекавшей его в предшествующие годы, и центр внимания переносит на философию и историю. Тредиаковский видит свою задачу ученого-просветителя, в частности, в том, чтобы пропагандировать крупнейшие достижения европейской мысли в области истории, философии, культуры.

Многие оригинальные философские сочинения Тредиаковского до нас не дошли. Известно лишь «Слово о мудрости, благоразумии и добродетели», напечатанное впервые во 2-м томе «Сочинений и переводов» Тредиаковского (СПб., 1752). Это рассуждение было написано в традициях рационалистической «нравственной философии». Серьезное значение имел словарь латинских философских терминов (с переводом их на французский язык), приложенный к «Слову». В самом же тексте рассуждения Тредиаковский пользовался русскими терминами, многие из которых были употреблены им здесь впервые.

Новые философские занятия Тредиаковского не встретили поддержки в Академии. И он тяжело переживал это. В результате трений с академическим начальством Тредиаковский вынужден был подать прошение об отставке. 30 марта 1759 года его просьба была удовлетворена — он был исключен из Академии.

Однако Тредиаковский совсем не думал уходить на покой. Его тревожили заботы о новых трудах и среди них — перевод книги о Бэконе. Эта книга отличалась от других переводных работ Тредиаковского уже тем, что она была не обычным академическим заданием, а результатом свободного выбора и глубокой личной заинтересованности переводчика-просветителя.

Отставной академик не мог рассчитывать на печатание новой книги в Академической типографии. Ведь даже очередной том

давно издававшейся «Истории» Роллена Тредиаковский вынужден был просить напечатать «своим коштом».[9]

Для издания научной книги у него оставалась одна возможность — печатать ее в типографии молодого Московского университета. Из бумаг академической Канцелярии мы узнаем, что, получив отставку, Тредиаковский сразу же начинает хлопотать о паспорте, чтобы «отъехать отсюда вскоре для собственных нужд и для житья в Москву».[10] Говоря о «собственных нуждах», Тредиаковский и подразумевал, видимо, печатание новой книги.

В те годы главным цензором университетской типографии и первым редактором «Московских ведомостей» был А. А. Барсов,[11] а его ближайшим сподвижником по издательским делам Н. Н. Поповский. Оба они с давних пор были знакомы с Тредиаковским и многим обязаны ему. В 1748 году Тредиаковский привез из Москвы в Петербург несколько учеников, отобранных им по приказу президента для продолжения образования при Академии. Среди них были будущие профессора университета — Барсов и Поповский. Это не могло быть ими забыто и спустя двенадцать лет. Но еще существеннее личных связей было то, что сам замысел книги о Бэконе близко затрагивал интересы Барсова и Поповского, озабоченных пропагандой философских знаний на русском языке. Во всяком случае, перевод Тредиаковского, начатый, видимо, лишь в 1759 году, вышел из печати уже в конце следующего года. Такая поспешность в создании книги говорит как о глубокой заинтересованности и интенсивности труда переводчика, так и о благожелательном отношении издателей.

Книга о Бэконе была особенно дорога и важна Тредиаковскому, так как знаменовала, несмотря на разрыв с Академией, продолжение его просветительских трудов.

Вопрос о политических симпатиях, о мировоззрении Тредиаковского исследован менее чем все другие проблемы, возникающие в связи с его литературной деятельностью. Л. И. Кулакова, к мнению которой присоединяется и Д. Д. Благой, не без основания отмечает путаность, расплывчатость, эклектичность общественных и философских взглядов Тредиаковского.[12] Однако

[9] Прошение в академическую Канцелярию 12 января 1761 года. П. П. Пекарский. История имп. Академии наук в Петербурге, т. II. СПб., 1873, стр. 215. Насколько жертвенным и достойным уважения был этот поступок Тредиаковского, можно судить по такому факту: в то самое время, как он соглашался печатать на свой счет Роллена, стесненное материальное положение заставило его дать в «С.-Петербургских ведомостях» объявление о приеме детей для обучения «в пансион и без пансиона» (там же, стр. 214).

[10] Материалы для биографии В. К. Тредиаковского «Записки Императорской Академии наук», т. 9, кн. 2, СПб., 1866, стр. 211.

[11] В. Корш. Столетие «Московских ведомостей». М., 1857, стр. 13.

[12] Л. И. Кулакова. А. Н. Радищев и вопросы художественного творчества в русской литературе XVIII века. (Из истории русской эстетической

нельзя ограничиться такой общей характеристикой. Тредиаковский не был, конечно, последовательным мыслителем, но в разные периоды деятельности у него можно отметить то ту, то другую преобладающую тенденцию. Хотя идеологическая эволюция Тредиаковского и представляет собой ломаную линию, все же в ней видны закономерности, от изучения которых не следует отмахиваться словами о «путаности» и «противоречивости».

В одах 30—40-х годов и в переводе «Аргениды» Барклая (1751) Тредиаковский показал себя защитником абсолютизма. Его главной политической мишенью являлись тогда те вельможи, которые своими распрями могли поколебать трон государя. Авторитет царской власти был в «Аргениде» незыблемым принципом, вытекавшим из интересов единства государства, его могущества и роста. Все прочие вопросы решались лишь с точки зрения соответствия этому принципу, и «урок царям» звучал еще пока дружеским, а часто и льстивым увещеванием.

В конце 50-х—начале 60-х годов в мировоззрении Тредиаковского происходят значительные сдвиги. Правление Елизаветы в конце ее царствования вызывало разочарование и недовольство у многих из тех, кто в свое время восторженно встретил восшествие на престол дочери Петра. Оппозиционные веяния захватили в конце 50-х годов и Тредиаковского. Трагический поворот личной судьбы, прямое столкновение с академической верхушкой во многом определили его отношение к властям. Завершением этого периода идейного и творческого развития Тредиаковского явилась «Тилемахида» (1765), в которой были высказаны мысли, резко отличные от проповедовавшихся в «Аргениде» пятнадцатью годами раньше. От безусловной поддержки абсолютизма Тредиаковский совершил переход к критике «злых царей», тиранов и их своекорыстного окружения. Л. В. Пумпянский дает точную сравнительную характеристику двух романов, переведенных Тредиаковским: «Тредиаковский переходом от „Аргениды“ к „Телемаку“ воспроизводит для России это полевение абсолютистской политической мысли. Оба же перевода, вместе взятые, показали России европейский политический роман в двух главных фазах его развития: „урок царям“ накануне правления Ришелье и „урок царям“, гораздо более смелый и резкий, через 75 лет, когда наследие Ришелье вошло в период разложения и абсолютизм из двигателя общественного развития превратился в препятствие, вредное для всей нации».[13]

мысли). М., 1954, 31 стр.; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в. М., 1955, стр. 131.

[13] История русской литературы, т. III, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 245.

Перевод «Тилемахиды» знаменовал также эволюцию во взглядах самого Тредиаковского. Однако на пути его идейного развития от «Аргениды» к «Тилемахиде» был еще забытый исследователями перевод о Бэконе — самое «просветительское», передовое, что вышло из-под пера Тредиаковского. Все наиболее оппозиционные места «Тилемахиды», приводимые обычно литературоведами как свидетельство просветительских взглядов Тредиаковского, кажутся робкими по сравнению со многими вольнодумными страницами бэконовского перевода. И это не удивительно, так как французские энциклопедисты по сравнению с Фенелоном ушли в своих взглядах очень далеко. А ведь именно их теории преподнес русским читателям Тредиаковский, переведя Бэкона в обработке Делейра.

4

> Когда вы должны совет подать государю, то подавайте наставления ваши под именем древнего автора или в общестгенных рассуждениях, кои совесть всегда делает собственным тому, кто в них имеет нужду.
>
> Из перевода «Сокращения философии канцлера Франциска Бакона».

«Житие» и «Сокращение философии» в том виде, в каком они вышли из-под пера переводчика, были важным фактом культурной и общественной жизни России той эпохи. В то же время это была первая русская книга, представляющая, хотя и не в прямой форме, материалистические теории французских просветителей. В «Житии» прямо говорилось о тех преобразованиях, какие произошли с философией Бэкона в руках энциклопедистов: «Можно видеть в подобном составе (системе, — *В. Л.*) познаний человеческих, который обретается по предварительной речи[14] в Энциклопедии, сколько сие изобретение нашего автора (Бэкона, — *В. Л.*), исправленное и в совершенство приведенное искусною рукою, произвело *порядку, света и способа в сей материи*» («*Житие*», *стр.* 121).

Просветительской «искусною рукою» были усилены, как упоминалось, во французском переложении материалистические стороны философии Бэкона, зато старательно были вымараны «теологические привески» к ней. Откровенной проповедью материализма были в переводе Тредиаковского те места, в которых говорилось о заслугах Бэкона-мыслителя: «Средство, употребленное им к произведению толь великих дельностей, состоит в том, чтоб пригвоздить к вещам самим и остановить на них наше внимание, упражнявшееся прежде его в понятиях и идеях; то есть,

[14] «Речь» — слово, статья. Имеется в виду «Discours préliminaire» Даламбера.

чтобы удалить от себя умозрительства тонкие и маловажные, ослепляющие разум, а не просвещающие, чтоб держаться просто за силы естества и законов, учреждающих его деяния» («Житие», стр. 73).

В главах «Сокращения философии», в которых излагалась теория познания Бэкона, — «О путеводстве» (о методе), «Об естестве» (о природе), «Об испытании» (об опыте) — делалась попытка решительно отделить науку от религии. «Два заблуждения, — утверждалось в книге, — весьма порочны: одно, чтобы толковать закон (как Тредиаковский обычно переводит слово «la religion», — *В. Л.*) естеством, а другое, чтоб толковать естество законом» («Сокращение философии», стр. 46). В главе «О безбожии и суеверии» фактически оправдывался атеизм. После благонамеренного замечания, что истинная философия приводит необходимо к религии, мы встречаем следующее рассуждение, ставящее под сомнение все, что сказано было выше в защиту веры: «Впрочем, как безбожие могло найти себе мучеников, для того, что оно и награждения не обещает, и не подает никакия возбуждающия причины к обольщению. Как! Заблуждение одно возымеет ли столько силы над разумом человеческим, сколько истина, подкрепляемая премножеством польз?» («Сокращение философии», стр. 203). Этот риторический вопрос выразительнее многих утверждений.

Главный предмет главы составляет сравнение безбожия и суеверия, которое выливается, в конце концов, в апологию атеизма. «Безбожие не лишает разума, не истребляет естественных чувственностей, не нарушает ни уставов, ни народных обычаев; но суеверие есть владычественный тиран, который присиливает уступать все своим самохотениям. Безбожник не токмо не мятежник, но еще гражданин, пекущийся радетельно о тишине общенародной по любви к собственному своему спокойствию» («Сокращение философии», стр. 204).

Надо думать, что, переводя эти строки, Тредиаковский, которого Ломоносов недружелюбно называл «безбожник и ханжа», испытывал очень личное отношение к написанному. Это выдает одна маленькая, но, видимо, не случайная неточность в переводе. Делейр пишет с оттенком скрытой иронии: «Атеист, далекий от возмущения, — это гражданин, заинтересованный в общественном спокойствии из любви к своему собственному покою» («La vie», p. 379). Тредиаковский уничтожает иронический оттенок и пишет о «тихом безбожнике» с плохо скрываемым сочувствием: «Безбожник не токмо не мятежник, *но еще гражданин*...».

Значительную часть перевода «Сокращения философии» занимали «нравственные очерки» — «О страстях», «О добре», «О любви и дружелюбии», «О добродетели» и др. Эти главы

также были интересны русскому читателю как образцы европейской «нравственной» или «практической» философии. Даже предаваясь абстрактным, «общечеловеческим» рассуждениям о добродетели и пороке, автор книги не упускал случая сказать политические колкости, как например заметить вскользь, что добродетели «теряются весьма скоро при дворе государей» («Сокращение философии», стр. 172).

Самыми острыми и важными в русских условиях были главы книги, посвященные вопросам политическим. Тредиаковский бесспорно рассчитывал на политически актуальное переосмысление некоторых наставлений Бэкона, дополненных французскими энциклопедистами. Такое перетолкование было в обычаях времени. Писатели XVIII века приучили своих читателей быть догадливыми и не ждать подробных объяснений там, где автор мог пользоваться лишь иносказаниями, скрытыми «применениями». Это не значит, конечно, что за каждой строчкой перевода Тредиаковского обязательно нужно искать русские параллели, намеки на современность. И, однако, бесспорно, что только тогда мы сможем понять реальное значение перевода Тредиаковского для его современников, когда представим себе ясно то отношение к разнородным фактам общественной жизни, тот каждодневный политический и бытовой опыт, с каким воспринимали книгу о Бэконе ее первые русские читатели.

Настойчивое противопоставление в «Житии» Бэкона деятельной, мудрой и нетщеславной Елизаветы английской беспутному и жестокому Якову должно было рождать у русского читателя известные ассоциации. При сходстве имен особенно двусмысленно звучал «Опыт о королеве Елизавете» Бэкона, переведенный Тредиаковским. У русской царицы напрасно было бы искать те качества просвещенного властителя — слуги нации, какого рисовал в Елизавете английской ее доброжелательный и лукавый историк. Очень кстати в русском издании пришлось примечание к «Опыту» французского переводчика: «Ежели начертания сии произведены удивлением, то они стоят высшия цены нежели оные благодарственные похвалы, единственная и последняя дань, получаемая королями по смерти. Но буде сия речь произнесена в собрании градоначальствующих правителей или мужей ученых; то не можно быть опоручению в том, чтобы в ней не было ласкательства» («Житие», стр. 131).

С последним предупреждением хвалебные речи Бэкона получали в русском переводе отчетливое значение «урока» Елизавете Петровне, а не льстивой параллели. Русскую царицу и ее окружение скорее можно было узнать в описании царствования Якова, при котором в Англии, «чтоб услужить отечеству, стране и государю, в каком бы кто звании ни был, то надобно было сделать себя при-

ятным любимцу» («Житие», стр. 58—59). Вряд ли читатель книги мог удержаться от злободневных сопоставлений, читая следующие строки: «...было сие государствование любимцев, налогов самовольных, могущих толь изрядно подтверждать указы и объявления, наконец было оно отроческих забав и негодных. В недре безделиц, в коих двор упражнялся, породилось похлебство и ласкательство... Увидели, что настал по них язык льстивый и женственный от подлости и неволи, который стал быть языком всенародным, придворным, градоначальническим и церковным» («Житие», стр. 41—42).

Противопоставление просвещенного царствования самовластному и порочному правлению, данное в «Житии» в историческом плане, в «Анализе» заключено в четкие формулы афоризмов, общих выводов, легко применимых к конкретным условиям.

В «Сокращении философии» настойчиво проводилась мысль, что властители должны избегать следовать своим произвольным страстям и руководствоваться интересами народа и государства. Неограниченное самовластие, презрение к доводам разума, к советам просвещенных и мудрых людей — вот что решительно осуждалось в книге. Идеалом властителя были представлены, конечно, государи-философы, хотя и они, по мысли автора, не застрахованы от пагубного разврата власти. Это твердо высказано уже в первой главе «Сокращения»: «...государи-философы делают достоверным счастие народов и благополучие государств. Хотя они, как и прочие обладатели, и имеют пороки человечества и собственного того состояния: однако просвещение, почерпаемое ими в приобыкновении к размышлению, есть предохранительным врачевством на наглые и неизлечимые излишества их страстей: книги им на меньшой конец говорят, когда их совет умалчивает» («Сокращение философии», стр. 8). Переводчик недаром находит здесь такие злые слова; то, что Елизавета Петровна, лишь изредка отрывавшаяся от веселых оргий для дел, злоупотребляла «пороками человечества», столь же несомненно, как то, что ей были свойственны и пороки «собственного того состояния», т. е. самодержавной власти.

Ход рассуждений в книге о Бэконе все время шел от предпосылки, что монархическая форма правления, основанная на доброй воле и разуме, есть нормальная форма государственности. Однако книга давала представления и о других возможностях общественного устройства и, в частности, о республике. В главе «О благородстве» произведено даже плохо замаскированное сравнение между монархией и республикой с выводом в пользу последней. «Добрая демократия, — читаем мы в переводе, — не имеет нужды в благородстве (в знати, в вельможах, — *В. Л.*): государство без него тем спокойнее бывает и в лучшей безопас-

ности от развратов и происков. Народ в ней старается о своих делах, а не о славе и имени некоторых. Какая тому причина, что швейцары, разделенные на толь многие области и разлученные верою, составляют республику, толь изрядно соединенную? Ибо они более взирают на свою вольность, нежели на прославление. . .» («Сокращение философии», стр. 144). Конечно, Делейр, — и тем более его русский переводчик, — при всей яркости приведенного высказывания были весьма далеки от «республиканизма». Но подобные замечания подрывали веру в абсолютную необходимость и незыблемость монархической власти как данной от бога и вечной.

Просветительские идеи гражданских прав, равновесия «власти» и «вольности» проповедовались на многих страницах книги о Бэконе. При этом острие вольнодумных выпадов было направлено против самовластия, тиранства во всех его видах. «Прочь от монархии всякое могущество самопроизвольное, — энергично восклицал автор, а вместе с ним и переводчик книги. — Уставы будут дороги народу, взирающему на них как на защиту против владычества и как на стражу надлежащия вольности» («Сокращение философии», стр. 211). В книге последовательно отстаивалось «право правосудия» между государем и народом, первенство во всем законов, которые должны быть святы и для властителя.

С вопросом о царской власти соприкасался вопрос о министрах, придворных, стоящих рядом с троном и разделяющих с государем ответственность за правление. Для России середины XVIII века, страдающей от фаворитов — Разумовских, Шуваловых, — это был больной и близкий вопрос. «В правление Елизаветы, — явно преувеличивая, замечал историк С. В. Ешевский, — более чем когда-нибудь должно объяснять события придворными партиями и интригами».[15] Многие фавориты Елизаветы могли разделить характеристику, данную в «Житии Бакона» любимцу короля Якова, Букингему: «Таким точно образом при дворе, падшем в детство, одно самонравие любимцево располагало все главные места и все государственные должности, которые он давал или отнимал по своему хотению, без всякого другого правила в разделении казней и награждений, кроме своея гордости и легкомыслия» («Житие», стр. 65).

В «Сокращении философии» был создан и контрастный фаворитам образ — идеал просвещенного министра, способного доводами разума и справедливости убедить государя, если тот заблуждается, поддавшись воздействию «самовластных страстей». В таком качестве был представлен читателю в «Житии» сам Бэкон. Министр несет ответственность не только перед властителем,

---

[15] С. В. Ешевский. Очерк царствования Елизаветы Петровны. В кн.: Сочинения по русской истории. М., 1900, стр. 31.

но и перед народом. Поэтому он должен быть всегда честен, прямодушен и благороден. «Льстить государю есть преступление измены, виннейшее перед ним, нежели бунт открытый, и пагубнейшее, нежели явная война» («Сокращение философии», стр. 209). Эти наставления, как и почти сатирические портреты любимцев в биографии Бэкона, были очень уместны в России 1760 года.

Не прошли, должно быть, мимо внимания современников Тредиаковского и те главы «Сокращения философии», в которых автор обращался к рассмотрению роли различных сословий в государстве. В главе «Об увеличении государств» дворянство, как будто в полном соответствии с политикой «дворянской царицы», именовалось «подпорой престола». Но далее, когда речь заходила об отношениях дворянства с народом, смысл, равно как и тон рассуждений, существенно менялся: «Государство, хотящее увеличиться, — говорилось в книге, — долженствует опасаться корпуса дворянского: ибо ежели дворянством утеснится народ, то приключится бывающее в лесах, где высокие древа подавляют молодые отростки. Сколько б тогда ни умножалось народом государство, однако отнюдь не будет сильняе» («Сокращение философии», стр. 119). О паразитизме дворянства и духовенства откровенно трактовала глава «О смятениях и бунтах»: «Излишнее дворянство приводит в убожество государство; многолюдное духовенство отягощает его: сии два корпуса снедают часть самую существенную всякия державы, то есть народ бодрствующий и труждающийся, а в то время другая часть спит, кушает и упражняется разве в нужном деле своих потех» («Сокращение философии», стр. 126).

Все эти высказывания имели в русских условиях четкий политический адрес.

Усиление гнета помещиков в период войны, жестокая эксплуатация крестьян, приписанных к монастырям, — обо всем этом, вызывающем «смятения и бунты», много говорилось в книге. Предупреждая государей о всегдашней опасности народных возмущений, автор почти не останавливается на вопросе о подавлении бунтов. Зато он подробно разбирает порождающие причины, которые призван устранить истинно просвещенный властитель. «Материя смятений есть в народной бедности и во всеобщем неудовольствии», — утверждает автор, ища виновников государственных неурядиц среди знати и духовенства, угнетающих народ.

В переводе Тредиаковского можно отметить резкие места, в которых говорилось об унизительности сохранения рабства в просвещенной стране. «На подлых невольников полагается смотрение за скотом; но тиранам и есть только один стыд повелевать невольникам. Порабощением уничижается владычественная державность. Но есть ли что славнейшее, как царствование над вольными

душами» («Сокращение философии», стр. 8). В пору расцвета крепостного права в России такие строки могли почесться прямым политическим выпадом. И это печаталось по-русски в те годы, когда безнаказанно зверствовала в своем имении Троицком Салтычиха, когда по указу Елизаветы [16] за малейшие проступки против господ крестьяне бывали биты плетьми и отдавались в солдаты!

Чтобы представить выгоды освобождения «невольников», автор ссылался на пример Англии, где свободные «поселяне» в период войны представляли собой лучшее войско: «Англия содержится силою токмо простого народа, у которого вольностию подкрепляется бодрость. Сим самым имеет она явное преимущество над соседними странами, в коих тощий поселянин не может быть крепким воином» («Сокращение философии», стр. 120). Если припомнить издававшиеся во время Семилетней войны сенатские указы о приеме на военную службу «редковолосых», низкорослых и беззубых рекрутов,[17] становится очевидно, насколько убедительным был этот довод в России тех лет, истощенной длительной войной.

В конце царствования Елизаветы особенно интенсивно шла колонизация юго-восточных окраин России и заселение Сибири ссыльными крестьянами по указу 1760 года. По этому вопросу, как и по многим иным, Тредиаковский своим переводом объективно вставал в оппозицию правительственной политике. «Не делайте из ваших поселений (les colonies) места ссылочного для вольных обывателей, ни отечества мятежникам, — читаем мы в заключительной главе книги. — Не истребляйте из земли обывателей ея, чтоб паки наполнить оную пришельцами под предлогом закона (la religion): он не требует крови, но свободного повиновения» («Сокращение философии», стр. 216—217). Именно на крови было основано покорение «ясачных» народов в правление Елизаветы. В последние годы ее царствования шло насильственное обращение в православие татар, чувашей, черемисов.

Таким образом, читатель елизаветинской поры от многих страниц книги о Бэконе мог протянуть живые нити к современности.

Сознавал ли Тредиаковский конкретно-политическое значение своего труда, видел ли он все те возможности «применений», переосмыслений, о которых шла речь? Можно ли говорить о субъективной тенденциозности Тредиаковского, а не только об

---

[16] См., например, указ от 2 мая 1758 года «О надзоре помещикам за поведением своих людей». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т. XV, стр. 199.

[17] Указы от 17 января и 18 сентября 1758 года, 15 октября 1759 года. ПСЗ, т. XV, стр. 155, 376—377, 381—382.

объективной роли его перевода? Убедительный ответ на эти вопросы можно дать, лишь обратившись к сопоставлению французского и русского текстов книги.

5

> ...Переводчик от творца только что именем розпится. Еще донесу вам болше, ежели творец замысловат был, то переводчику замысловатее надлежит быть.
>
> В. К. Тредиаковский Из предисловия к «Езде в остров любви».

Вероятно, мысль перевести книгу о Бэконе зародилась у Тредиаковского при чтении французских журналов, в которых шла полемика об издании Делейра. Во всяком случае несомненно, что Тредиаковский был знаком со статьями, появившимися по этому поводу в «Journal des sçavans» и «Mémoires de Trévoux» (эти широко известные в то время научные журналы регулярно доставлялись в Петербургскую академию). Французские рецензии, в которых сближались «Анализ философии» и биография Бэкона, очевидно, подсказали Тредиаковскому соединение этих трудов в одну книгу.[18]

В этих рецензиях предлагалось изменить название «Анализ философии» на другое, более подходящее к содержанию книги — «Сокращение философии». Критик журнала «Mémoires de Trévoux» выражал сомнение в том, можно ли отрывки, извлечения из философии назвать ее «анализом». «Этот „Анализ", — писал он, — предлагает удачное „Сокращение" (abrégé) принципов, приемов и открытий, которые сделали бессмертным канцлера Бэкона».[19] Автора «Анализа» рецензент далее настойчиво именовал «сократителем» (L'abréviateur). Это и подало мысль Тредиаковскому по-иному, чем у Делейра, назвать своей перевод.

Имеет существенное значение установление того факта, что Тредиаковский был знаком с французской полемикой вокруг книг о Бэконе. В рецензиях отмечался вольнодумный характер этих книг, делались намеки на приемы скрытых «применений» к современности. «Journal des sçavans» писал, например, о «Жизни Бэкона»: «Художник часто оставляет своего героя, чтобы заняться портретами королей, фаворитов, министров, которые являлись

---

[18] Как упоминалось, такое соединение произвел и Делейр во втором издании «Анализа». Однако Тредиаковский не знал, видимо, этого второго издания и переводил по первому, раздельному изданию. Состав первого издания «Анализа» полностью соответствует составу книги Тредиаковского. Этого нельзя сказать о втором издании Делейра. Таким образом, соединение «Жизни Бэкона» и «Анализа философии» в одну книгу было произведено Тредиаковским независимо от Делейра.

[19] «Mémoires de Trévoux», 1756, Fevrier, p. 495.

основными действующими лицами на исторической сцене, когда появился Бэкон. Не будучи простыми копиями старых картин, эти портреты несут на себе черты слишком новые, чтобы быть сходными: чувствуется вмешательство кисти свободной и дерзкой, которая по своей воле урезывает, добавляет и даже исправляет прошлое».[20] Рецензент порицал английского писателя за вольномыслие, выражая наивное сожаление, что французский переводчик не прибавил своих рассуждений, которые могли бы служить противоядием заразе, «идущей из Англии» (он, очевидно, и не подозревал, что самые смелые места в книге принадлежат именно французскому переводчику). «Большая часть английских пассажей может только скандализировать истинных французов как добрых христиан», — писал «Journal des sçavans».[21] Рецензент уловил современные намеки в рассуждениях автора об атмосфере лести, продажности и лицемерия при дворе Якова.[22]

Достаточно было прочесть эти рецензии, чтобы понять оппозиционный политический характер книги о Бэконе.

Таким образом, Тредиаковский ясно представил себе, какое значение имела эта книга для французских просветителей, каков был второй, современный ее смысл, какую роль играли общие философские рассуждения для политической «злобы дня». И оружие французских просветителей Тредиаковский сознательно использовал для пропаганды оппозиционных воззрений, учитывая тенденциозное политическое звучание книги в русских условиях. Конечно, не все сказанное в книге Бэконом—Делейром или Моллетом—Делейром совпадало со взглядами Тредиаковского. Да и вообще нужно быть осторожным, порицая или хваля переводчика за то, в чем, строго говоря, повинен лишь автор. Но в отношении Тредиаковского мы имеем дело с особым случаем.

Тредиаковский относился к работе переводчика как к определенному виду творческой деятельности. В «Предуведомлении» к переводу первого тома «Римской истории», работа над которым шла одновременно с книгой о Бэконе, он писал: «Приходит на мысль, не возревновал бы кто, в уничижение мне, что видит от меня больше переводов, нежели собственных сочинений. Но такому и подобным всем, почтенно в предварительный ответ доношу, что во мне знатно более способности, буде есть некоторая, мыслить чужим разумом, нежели своим».[23]

За это чистосердечное признание Тредиаковский более достоин уважения, нежели насмешки или укора. В своих переводных тру-

[20] «Journal des sçavans», 1756, Janvier, p. 246.
[21] Там же, стр. 247.
[22] Там же, стр. 252.
[23] «Римская история от создания Рима до битвы Актийския .. сочиненная г. Ролленом. . .», т. I. СПб., 1761, Предуведомление, стр. Л.

дах он именно мыслил «чужим разумом», а не просто перелагал по-русски иноязычный текст. Это доказывается анализом его работы над переводом книги о Бэконе.

Основным принципом Тредиаковского-переводчика всегда была максимальная точность, стремление эквивалентно передать авторскую мысль. Тредиаковский обычно переводил оригинальный текст слово за словом, избегая приблизительных и образных перетолкований подлинника. Тем рельефнее выступают в книге о Бэконе не свойственные, как правило, Тредиаковскому отступления от принципов академического перевода, выдающие тенденциозность нашего автора.

В разных местах книги степень самостоятельности переводчика различна. В нравоучительных, политически нейтральных главах «Сокращения философии» Тредиаковский строго придерживается подлинника. С разночтениями встречаемся мы обычно в самых острых и актуальных местах книги.

Вот один из наиболее разительных примеров. В главе «О должностях судии» автор подробно останавливается на принципе равновесия и взаимоуважения прав народа и государя. Переводчик исправляет текст, меняя самое существо рассуждения. Сравним два отрывка:

Текст «Анализа»	Текст «Сокращения»
«...tout loi ou tout arrêt par ses conséquences interésse l'ordre public. Ce peut être une innovation d'un, exemple pernicieux, une lésion manifeste des droits du Prince ou des droits du Peuple; et c'est au Magistrats de les balancer perpétuellement, de façon que ceux-ci l'emportent toujours dans la concurrence: car le salut du peuple est la suprêm lai». (vol. I, p. 230).	«...всякий устав или всякое определение есть нужно для всеобщего порядка. Может в том быть нововводство пагубного примера, также явное нарушение праву Государя или праву *всего народа*; в сем случае должно градоначальникам держать их обоих в равновесии непрестанном, *так чтоб* народный вес всегда *претягивал*: ибо „спасение и польза *народа* есть самый крайний и верховный закон"». (Стр. 149)[23a]

В целом совершенно точно передавая смысл приведенной фразы оригинала, Тредиаковский более подробно говорит о «народном весе» (французское «ceux-ci» относится к «des droits des Peuples»). Усилив то место, где речь идет «о спасении и *пользе* народа», переводчик берет его в кавычки, зная, что это цитата из авторитетного и общепризнанного источника, а именно из трактата Цицерона «О законах» (кн. 3, гл. 3).

Многие страницы перевода Тредиаковского звучат выразительнее, чем в подлиннике. Тредиаковский нередко добивался этого

[23a] Слова, добавленные и измененные Тредиаковским, отмечены курсивом мной. — *В. Л.*

минимальными изменениями текста. Вставленные (или выпущенные) отдельные слова, иное членение предложений, восклицательные и вопросительные знаки, оттеняющие мысль, часто сообщали совсем новый эмоциональный заряд фразе. Вот некоторые примеры:

Текст «Анализа»	Текст «Сокращения»
«Rois dévoilez donc vos desseins, mais cachez vos défauts. . .» (vol. I, p. 251).	«Того ради, Государи! Открывайте свои намерения, но утаивайте ваши *пороки*». (стр. 132).
Текст «Жизни Бэкона»	**Текст «Жития Бакона»**
«. . . à la Cour les hommes agrébles ant toujours l'avantage sur ceux qui ne sont que necessaires». (p. 140).	«. . . при дворе *забавные люди* имеют всегда преимущество над нужными и *надобными только*». (стр. 75).

Если в первом примере, вместо более нейтрального «недостатка» (défauts»), поставлены «пороки», то это только способ усилить смысл фразы; во втором же случае «забавные люди» — явный намек на фаворитов Елизаветы.

Наряду с соблюдением общего принципа точности перевода и частными, но существенными добавлениями и исправлениями, переводческую работу Тредиаковского отличает усиление эмоциональной выразительности текста и тем самым его воздействия на читателей.

Особенно одушевленным и страстным становится слог Тредиаковского, когда он переводит те места книги о Бэконе, в которых можно увидеть нечто сходное с его личной судьбой, отклик на горькие раздумья пренебреженного и не понятого ученого и литератора, всю жизнь радевшего о пользе общества и родной страны.

Отставка из Академии дала возможность Тредиаковскому почувствовать себя более независимым в мнениях и поступках, свидетельством чему и явился перевод о Бэконе. Поэтому, видимо, с особым удовольствием переводил Тредиаковский те страницы, где говорилось о тщете придворной службы, должностей, дарованных властью. Показательны изменения в тексте:

Текст «Анализа»	Текст «Сокращения»
«C'est se faire l'esclave du public et du prince, de la renommé et des affaires, que de prendre une charge. Etrange ambition de vendre sa liberté pour une ómbre de pouvoir et de consentir a n'être plus mâitre de soi-même pour le plaisir de commande aux autres». (vol. I, p. 263).	«Сие быть невольником всенародным и государевым, когда принимать на себя должность. Странное честолюбие! Продавать свою вольность за тень могущества и соизволить не быть более себе господином за утеху повеления другим». (стр. 139).

В русском переводе выпущено несколько слов французского текста. Тредиаковский не согласен приравнять деятельность ради «славы и дел» («de la renommé et des affaires») к тщеславию и бесполезности придворной службы. Небольшая купюра в определенном отношении меняет смысл. К тому же иное, чем во французском тексте, членение отрывка и дополнительное восклицание сообщают фразе интонацию, превращающую спокойное поучение в страстный возглас.

Среди прочих вмешательств переводчика в авторский текст обращают на себя внимание выразительные подчеркивания, курсивы.

Мысль о всемогуществе разума, науки, просвещения была кровно близка Тредиаковскому, и он был, очевидно, полностью солидарен с заключительной фразой биографии Бэкона, прославляющей «ученую республику». Но в своем тексте Тредиаковский счел нужным еще выделить курсивом последние и наиболее сильные слова этого рассуждения: «Можно к нему (Бэкону) приложить в истине, сказанное Цицероном на похвалу Цесарю, что не меньше славно для одного распространение человеческого разума, коль для другого расширение границ Римския державы... Обладание, полученное им в науках, есть толикого ж пространства, коликого есть разума и свободныя воли: *а одно пребудет еще, когда последнего более не будет*» («Житие», стр. 130). Тем самым подчеркивалась мысль о том, что могущество разума переживет все земные царства. Вот до каких просветительских выводов дошел здесь переводчик! Книга о Бэконе — в полном смысле слова просветительский труд Тредиаковского, где он не только мыслил «чужим разумом», но нередко поправлял и дополнял «чужой разум» своим.

Во всех деталях перевода сквозит желание Тредиаковского сделать книгу более доступной и понятной русскому человеку. Переводчик усердно переосмысляет на отечественный лад многие специфические западные понятия. Например, выражение «mettre en fond», что означает «вложить (деньги) в землю, в недвижимость», Тредиаковский переводит: «накупить сел и деревень» («Сокращение философии», стр. 157). Слово «пэры» он поясняет в скобках, обнаруживая при этом недостаточное знание фактов: «па́ры вельможей или большие бояры» («Житие», стр. 41), и т. п.

Большое число новых понятий из области философии и социологии вынуждает Тредиаковского делать порой обширные пояснения. Так, впервые употребив слово «эпоха», Тредиаковский дает следующее примечание: «Эпоха, по словам, есть расстановка, остановка, постановка; но по знаменованию началочисление лет, соименное ей слово есть Эра» («Житие», стр. 102).

Многочисленные термины, до тех пор малоупотребительные, а нередко и совсем новые, Тредиаковский постоянно объясняет в тексте: «теория (умозрение)», «система (состав)», «материя (вещество)», «симпатия (сострастие)», «антипатия (противострастие)» и т. д.[24]

Исследование труда Тредиаковского с точки зрения обогащения словаря новыми словами и терминами несомненно дало бы интересные сведения историкам языка. Однако это уже материал для специального лингвистического изыскания.[25] Здесь же важно отметить усилия Тредиаковского сделать свой перевод максимально удобным и понятным для русских любителей «любомудрия». В настойчивом «оживлении» языка, в обилии пояснений и примечаний видна забота популяризатора и пропагандиста.

6

> ...Да будет почтен нашею признательностью трудолюбивый ученый, который, быть может, и не надеялся, *что переводы его будут заслуживать* чтения в 1855 году.
>
> Н. Г. Чернышевский о Тредиаковском. Из статьи «Пропилеи».

Перевод книги о Бэконе был наиболее выдающимся фактом просветительской оппозиционности в литературной биографии Тредиаковского.

Следующая работа Тредиаковского — перевод «Римской истории» Роллена — имела также важное значение для русского образования и просвещения. Однако этот труд показал, насколько мало последовательности, решительности было во «фронде» Тредиаковского. В «Предуведомлениях от трудившегося в переводе» к первым томам «Римской истории», вышедшим в 1761—1762 годах, еще можно найти отдельные вольнодумные высказывания, близкие просветительской концепции книги о Бэконе. Так, в предисловии к III тому можно обнаружить резкие антимонархические выпады, фактическое признание законности бунта в том случае, если «тирания дойдет до такия наглости, что поданные сами могут восприять оружие на свержение тиранического ига, измождающего оных».[26]

---

[24] Некоторые из этих терминов были заимствованы Тредиаковским из комментариев А. Д. Кантемира к переводу книги Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» (СПб., 1740).

[25] Не лишенные в этом отношении интереса наблюдения см. в статье И. В. Шаля, указанной в примечании 1 на стр. 224 настоящего сборника.

[26] «Римская история от создания Рима до битвы Актийския ... сочиненная г. Ролленом...», т. III. СПб., 1762. Предуведомление, стр. КВ

В последующих томах «Римской истории», выходивших уже в царствование Екатерины II, проявилась нецельность, шаткость политических воззрений Тредиаковского. Его рассуждения в предисловиях к некоторым томам Роллена не ясны, а порой откровенно реакционны. Тредиаковский посвящает себя исключительно «нравственной философии», намеренно отстраняя теперь вопросы политические, так как «Уложение гражданское зависит единственно от благоволения самодержавныя особы».[27]

Последний раз обращается Тредиаковский к политическим проблемам в переводе «Тилемахиды». Эту книгу, как известно, усиленно пыталась скомпрометировать Екатерина II. В отличие от своей малообразованной предшественницы, она хорошо понимала разрушительную силу новых идей, часто скрытых под переплетами переводных книг. Если книга о Бэконе могла спокойно пройти мимо внимания Елизаветы и ее окружения, то Екатерина, даже в период заигрывания с энциклопедистами, вряд ли потерпела бы подобное свободомыслие.

Можно полагать, что не случайно Тредиаковский не издал второго тома «Анализа философии» Делейра, хотя в конце перевода отметил «Конец первыя части», что, естественно, предполагало продолжение. Зная, как терпелив и усерден был обычно Тредиаковский в окончании начатой работы, трудно допустить, что он бросил ее не под давлением внешних обстоятельств. К сожалению, за отсутствием документальных свидетельств, мы не можем сказать об этом ничего более определенного.

Просветительская деятельность Тредиаковского имела серьезное значение для его современников. Один из образованных русских людей того времени, усердный книгочий Гавриил Добрынин с признательностью вспоминал о переводах «достопочтенного мужа», «который на отечественном языке много просветил своих единоземцев».[28] Несомненно, что вниманием современников пользовалась и книга о Бэконе. В те годы, когда перевод Тредиаковского печатался в университетской типографии, в Московском университете и его гимназии учились Новиков, Фонвизин, Аничков. Именно это новое поколение русских просветителей с интересом и благодарностью должно было встретить книгу Тредиаковского.

«Житие» и «Сокращение философии канцлера Франциска Бакона» еще долго оставались основными сочинениями, знакомившими русских читателей с философским материализмом Бэкона.[29]

---

[27] Там же, т. V, СПб., 1763, Предуведомление, стр. V. Примечание.

[28] Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добрынина, СПб., 1872 стр. 133.

[29] Лишь в 1821 году впервые в русском переводе вышла книга Бэкона «Новая Атлантида» (Бэкон. Новая Атлантида. М., 1821).

А ведь именно Бэкон был одним из признанных духовных наставников атеиста и материалиста XVIII века Д. С. Аничкова. В своих философских работах он вспоминал «славного английского канцлера Бакона Беруламия».[30]

Философией Бэкона серьезно интересовался и Н. И. Новиков. В пору издания журнала «Утренний свет» и увлечения «нравоучительной философией» Новиков опубликовал некоторые переводы из Бэкона. Им был напечатан полный перевод книги Бэкона «О мудрости древних» и несколько глав из «Анализа философии» Делейра.[31] Новейший исследователь Новикова пишет по этому поводу: «...Новиков напечатал пять глав из книги „Сокращение Баконовой философии", причем главы наиболее важные — „О страстях", „О сцептицизме", „О воображении" и „О перемене человеческих дел"».[32] Это утверждение Г. П. Макогоненко неточно. Новиков действительно напечатал эти главы, но они принадлежат как раз к числу политически нейтральных и наименее значительных глав «Анализа». Выбор их объясняется, видимо, особым пристрастием Новикова в тот период к «нравственной философии». Ошибка эта характерна для досадной тенденции — приписывать отдельным, действительно выдающимся деятелям русского Просвещения — Новикову, Радищеву, — все заслуги первооткрывателей и новаторов, упуская из виду то, что было уже сделано их предшественниками и на чем они выросли. В книге, которая называется «Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века», почти не находится места Тредиаковскому-просветителю. Между тем сам Новиков глубоко уважал просветительскую деятельность Тредиаковского и специально отмечал роль его переводов. Вступив в своем журнале «Трутень» в полемику с Екатериной, иронизировавшей по поводу «Тилемахиды», Новиков писал: «Насмешник подсмеял одну женщину, велев ей для усыпления читать сочинения такова мужа, который за полезные переводы заслужил от всех похвалу и благодарность, и что от той насмешки весь город хохотал целую неделю на счет насмешника».[33] Трудно было успешнее вступиться за честь Тредиаковского-просветителя.

Можно не сомневаться, что Новиков был знаком с переведенной Тредиаковским книгой о Бэконе. Хотя главы «Сокращения философии» в новиковском журнале заново переведены из «Анализа» Делейра, а не взяты из старого перевода (язык Тредиаков-

---

[30] Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I. Госполитиздат, 1952, стр. 146.

[31] «Утренний свет», 1780, IX, М., май, стр. 20—85; июнь, стр. 146—173.

[32] Г. Макогоненко. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, стр. 310.

[33] «Трутень», М., 1769, стр. 159.

ского мог казаться архаичным), само название книги заимствовано из издания 1760 года. Надо думать, что, несмотря на отбор для перевода лишь глав, посвященных этике, значение философских и политических рассуждений в книге о Бэконе не ускользнуло от внимания Новикова.

Деятельность Тредиаковского-просветителя представляет, таким образом, ранний этап того умственного развития, тех поисков русской просветительской мысли, которые привели, в конце концов, к страстным обличениям самодержавного правления и крепостного рабства у Радищева и его последователей.

Долгие годы забытый и неизученный переводный труд Тредиаковского должен занять свое место в истории просветительских идей в России.